

Пьянов Александр Иванович

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/1/46.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (44). С. 129-140. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Руководители многих российских компаний ощущают необходимость применения технологии коучинга именно сейчас. Они понимают, что старые методы достижения результатов просто не могут приводить нас к результатам сегодня. Традиционные программы развития и стандартные корпоративные тренинги, к сожалению, предлагают очень не много для развития личного эффективного лидерства, для открытия и проявления своей силы, для проведения целенаправленных процессов изменений на личном и организационном уровнях. Поэтому автору наиболее перспективным видится развитие социальных технологий управления персоналом.

Задача социологии управления - обеспечить органическое соединение участия работников в процессе организационных изменений с выполнением их повседневных обязанностей. Нововведения есть не только техника и технология. Совершенствование управления осуществляется через введение новшеств. Нововведения есть форма управляемого развития. Другими словами, одной из важнейших задач применения технологии коучинга является развитие эмоционального интеллекта персонала организации, его лидерских возможностей, эффективности, силы и креативности. Сотрудник учится чувствовать и понимать процессы, которые протекают в живой организации по определенным законам. Получив эти знания и навыки, открыв для себя законы эмоциональной жизни, законы развития человека и организации, побыв во время обучения лидером и членом живой обучающейся группы, которую поддерживает и которой помогает расти коуч, сотрудник выходит на новый уровень самоощущения и уверенности. Эмоциональные процессы и их результаты перестают быть непредсказуемыми и тревожащими. У человека появляется возможность эффективно проявлять свое лидерство, то есть более фокусно и открыто проявлять свою силу и достигать результатов.

Список литературы

1. Андросова Л. А. Социология управления. Пенза: ПГУ, 2002. 10 с.
2. Бельская Е. Г. Управление персоналом: технологии и методы: учебное пособие. М.: ГУУ, 2002. 7 с.
3. Галенко В. П. Управление персоналом и эффективность предприятий: учеб. пособие / В. П. Галенко, О. А. Страхова; Гос. ком. РФ по высш. образованию; СПб. ун-т экономики и финансов; ВЭШ. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1994. 9 с.
4. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Социальные технологии: курс лекций. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1999. 42 с.
5. Лапуста М. Г. Справочник директора предприятия. М.: Инфра-М, 1996. 344 с.
6. Осадчая Г. И. Социология социальной сферы. М.: Академический проект, 2003. 79 с.
7. Савкин А., Данилова М. Коучинг по-русски: смелость желать. СПб.: Мега, 2002. 79 с.

УДК 316.33

Александр Иванович Пьянов

Северокавказский государственный технический университет

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВВ. ©

История развития социологии в России прошла долгий путь от классического позитивизма, со всеми его концептуальными вариациями, через победу марксизма в качестве господствующей монотеории в советском общественном сознании, искоренение социологии как научной дисциплины к ее возрождению и постепенному утверждению в сфере социологического знания принципа полипарадигмальности.

На формирование социологической мысли в России второй половины XIX - начала XX вв. большое влияние оказали идеи многих выдающихся европейских мыслителей: Г. В. Ф. Гегеля, Ч. Дарвина, Э. Дюркгейма, И. Канта, О. Конта, К. Маркса, А. Смита, Г. Спенсера, Ф. Энгельса. Критически восприняв основные идеи европейских ученых, социология в России развернулась в целую систему научных направлений, которые, творчески обогатили мировую социологию. По этому поводу известный русский исследователь истории социологии Н. И. Кареев писал: «Каждый раз при ироническом отношении к русской социологии я стараюсь... поставить на вид одно обстоятельство... Если в других областях знания, т.е. в более старых науках, русским ученым и мыслителям приходилось всегда быть только пришедшими на общую работу в последний час, то в такой молодой науке, как социология, русские выступили одними из первых, одновременно с другими нациями...» [6, с. 140-142].

Являясь неотъемлемой частью процесса развития социологической науки, отечественная социология отличалась от западноевропейской социологии своим историческим и культурным своеобразием, которое определило суть заложенных ею традиций. Особенностью русской социологии является ее формирование в принципиально иной, нежели в Европе общественной ситуации. Если социология в Европе - это реакция на революционные потрясения, то социология в России - это инструмент общественных преобразований.

Данное обстоятельство определило специфику становления и развития русской социологии. Во-первых, стержневым элементом отечественной общественной мысли второй половины XIX века была проблема отношений человека и государства в контексте идеи социальной справедливости. Во-вторых, зависимость развития социологии в России от других отраслей естествознания, обществознания, художественного творчества и социальной практики. В русскую социологию исследователи приходили из разных наук, привнося соответствующие нюансировки и модификации в социологическую рефлексию, разнообразя ее теоретические основания и методологические подходы, что придавало последней особую ценность. В-третьих, в отличие от западных социологов, которые были по преимуществу академическими учеными, их коллеги в России были активными общественными деятелями, лидерами или активными участниками различных идейно-политических движений. Их идеологические позиции в значительной степени влияли на процесс формирования в отечественной социологии основных направлений исследования.

Политическая ангажированность русской общественной мысли второй половины XIX века по существу и определила некий «водораздел» в развитии основных концептуальных направлений в отечественной социологии. Она оформилась в два основных течения, в русле которых в основном шло развитие социологии в России. С одной стороны - это позитивизм с его идеей прогрессивного эволюционного развития общества (либеральная парадигма общественного развития), с другой - марксизм с его идеей насильственного преобразования общества (революционная парадигма общественного развития). Первое возникает в России в 60-е годы, а второе - в середине последнего десятилетия XIX века. До начала 20-х гг. XX века их борьба не выходила за рамки научных и общественных дискуссий, но после победы социалистической революции в стране эта борьба закончилась полной победой марксизма (исторического материализма) в качестве единственно верной научной парадигмы.

Развитие социологии семьи в России тесно связано с развитием отечественной социологии в целом, но как частная социологическая дисциплина она имеет свою особую историю. Русскую дореволюционную социологию характеризует в значительной степени сфокусированность на тех темах, которые по сути дела отражали специфическое проблемное поле, «вечное» для всей общественной мысли России, воплощенное в известных вопросах: «Кто виноват?» и «Что делать?». Это привело к глубокой и разноплановой исследовательской практике по таким направлениям исследования как «личность», «общество», «прогресс», и резкому сужению аналогичных практик по другим направлениям. В зоне суженной социологической рефлексии, к сожалению, оказалась и семья. Проблематика семьи если и возникала, то ее разработка рассматривалась как инструментальная по отношению к главной социальной проблеме России - поиску путей общественных преобразований в стране. Но, несмотря на данное обстоятельство, семья как объект и предмет социального познания все-таки не растворилась в более актуальном проблемном поле.

Глубокое знакомство русских ученых с европейской социологической наукой позволяет предполагать, что отечественная социология была в курсе развернувшейся в последней трети XIX века дискуссии о концептуальных подходах к исследованию семьи и, что немаловажно, приняла в ней участие. В русской социологии были подвергнуты анализу два важнейших аспекта семейной проблематики, а именно: генезис и кризис семьи в основных социологических контекстах. С наибольшей полнотой эти проблемы нашли отражение в работах крупнейших представителей русской социологии этого времени: Н. К. Михайловского, М. М. Ковалевского и П. А. Сорокина.

Социологические аспекты исследования семьи впервые были выявлены представителями так называемой «субъективной школы». Эта школа в социологии «по справедливости может быть названа русской социологической школой» [27, с. 31]. Ее существование охватывает временной период с конца 60-х гг. XIX века и до конца 20-х гг. XX века. Наиболее крупными фигурами этой школы были Н. И. Кареев, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков. Русская природа этой школы, по мнению американского социолога А. Вусинич, связана с тем, что «хотя внимание представителей школы было сфокусировано на таких универсальных социологических проблемах, как взаимодействие личности и общества, природа кооперации и солидарности как механизм социальной интеграции, отношения «социальной эволюции» и «социальной революции», они были подлинно русскими социологами, их глаза и уши были нацелены на русские социальные реальности» [28, р. 44]. Далее он отмечает: «Один из основных вкладов субъективных социологов состоял в том, что они первыми на русском языке осуществили систематический и критический обзор современной им западной социологии» [Ibidem, р. 62]. Но, критично подходу и используя положения О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, представители данной школы сумели сформулировать весьма оригинальные собственные теоретические конструкции. Кроме того, выполняя функцию интеллектуального катализатора, они формировали особую социально-духовную атмосферу в российском обществе.

Общепризнанным лидером субъективной школы и одним из зачинателей социологии в России был Николай Константинович Михайловский. Оценивая его личный вклад в развитие социологии, М. М. Ковалевский писал: «в подготовке русского общества к восприятию, критике и самостоятельному построению социологии, Михайловскому принадлежит, несомненно, выдающаяся роль» [7, с. 172].

Идеи либерализма, в своеобразной народнической интерпретации, были той идеологической платформой, с которой Н. К. Михайловский не сошел до конца своей жизни. Социологические взгляды Михайловского, в силу литературно-публицистического характера его творчества, не могут претендовать на привычное системное изложение. «Чаще всего он начинал с конца, с верхних этажей, не показав фундамента и общего архитектурного плана всей постройки» - отмечает российский исследователь И. А. Голосенко [2, с. 14].

Социологическая концепция Михайловского, по мнению его коллег С. Н. Южакова и Н. И. Кареева «всем ходом его журналистской работы была разорвана на клочки» [27, с. 36]. «Ему не хватало времени для создания чего-либо систематического в этой области...» [5, с. 60]. Попытки самого автора свести свои идеи в стройную систему, так и не были реализованы. Тем не менее, тот факт, что базовых своих идейных убеждений Н. К. Михайловский не менял никогда, позволяет нам рассматривать его социологическую конструкцию как нечто более или менее целостное.

Ценность социологических идей Михайловского отражает тот общественный резонанс, который они имели. Воззрения Н. К. Михайловского не оставили равнодушными представителей всех направлений русской социальной мысли: позитивистов всех оттенков (Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Л. Лавров, Е. В. де Роберти и др.), неокантианцев (П. Б. Струве, Б. А. Кистяковский и др.), марксистов (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин и др.). Это является свидетельством большого идейного влияния Михайловского на становление и развитие русской социологии.

Концептуальные построения Н. К. Михайловского отличает привлечение широкого спектра фактических данных и эмпирических обобщений из различных научных отраслей знаний, причем его ошибочные положения иногда более эвристичны, нежели верные. Важнейший, в контексте нашего исследования, методологический принцип Михайловского получил развитие в его «учении об индивидуальности», представляющей теоретическую смесь теории Ч. Дарвина с теориями К. Бэра и Э. Геккеля о разных степенях индивидуальности. «Индивидуальностью» Михайловский обозначает любое онтологическое целое, «вступающее в отношения внешнему миру, как обособленная единица» на любых фазах эволюции материи, но особенно интересуются живой и общественной формами движения материи» [18, с. 67]. Он считал, что здесь особенно ярко проявляются три тенденции: 1) это усложнение организмов и систем их деятельности, рост различия, дифференциации и взаимной борьбы за существование; 2) увеличение относительной самостоятельности индивидуальностей от более сложных организаций, эволюционной и функциональной частью которых они являются; 3) процессы «борьбы за индивидуальность» в итоге приводят к росту их однородности и солидарности.

Отмечая значимость этого принципа, Михайловский признавался, что только этой последней тенденцией - «борьбой за индивидуальность» - «охватываются и объясняются... все когда-либо интересовавшие меня социологические факты и вопросы» [19, с. 227]. По мнению Михайловского, эта борьба имеет два различных состояния: 1) «простая» кооперация и 2) «сложная» кооперация. В реальной жизни они дают разнообразные конкретные вариации. В этих положениях чувствуется та центральная проблема социологии, волновавшая исследователей второй половины XIX в., а именно, определение и противопоставление двух видов связей людей в обществе. При этом в основе этих связей - не выяснение конкретных межличностных отношений человека к человеку, а абстрактное отношение общества к человеку и наоборот.

Михайловский определяет два типа связей «личность - общество» и «общество - личность», которые лежат в основе «простой и сложной кооперации» человеческой деятельности. Первый тип - это простая кооперация как исторически более ранний тип связей, который охватывает первобытную общину в начальную эпоху варварства. Деятельность людей здесь носит относительно недифференцированный характер, отсюда тотально сходные общественные функции и интересы всех, развернутая солидарность, взаимопомощь. Общественное и индивидуальное сознание слиты, их синтез носит родовой, антропоморфный характер, самодостаточность, автономность каждой личности требует считать ее центром общественного бытия. В социально недифференцированной, однородной среде совершается индивидуализация человека, гармонизация всех аспектов социальных связей, так как личность не подавляется анонимной коллективностью.

Совершенно по-иному выглядит сложная кооперация, построенная на иных связях: в ее основе лежит групповая (прежде всего сословно-классовая и профессиональная) дифференциация людей, разделение труда, цеховая корпоративность, раскол сознания и поведения по принципу «свои - чужие». Здесь индивидуальность подавлена, репрессирована, былая целостность расщепляется по ролям и позициям, и для защиты общественного целого создается большое количество правовых, религиозных, политических и прочих социальных связей. В общественном сознании, возникающем на основе групповой дифференциации, формируются «идолы», начинается конкуренция между ними. Человек здесь рассматривается в инструментальном плане и функционирует в качестве «органа» в рамках более сложных социальных систем и подсистем, синкретизм способностей распадается. Совокупные способности человека разделены по многим лицам (кто-то только трудится, кто-то паразитирует на чужом труде; физический и умственный труд противопоставлены). При более высокой степени дифференцированности общества выше и уже специфика его членов, монотоннее, однороднее впечатления и беднее общественное сознание, культура личности. И хотя степень развития человеческих способностей и навыков растет в их прагматическом использовании, индивидуальность гибнет, сам индивид как *homo sapiens* в целом деградирует и социально, и даже биологически. В рамках подобной кооперации постоянно идет борьба между личностью и обществом, «борьба за индивидуальность». И в основном она идет стихийно, как и биологические процессы в органической природе. Рассматривая сложную кооперацию как социальную патологию, Михайловский формулирует главную задачу научной социологии: обосновать новый идеал, обеспечивающий возврат на естественный путь эволюции, на возврат к «простой кооперации» на новом витке истории. Только это гарантирует самоценность, самостоятельность, благополучие личности, обеспечивает ее всестороннее развитие.

Особенно ценным можно считать вывод Михайловского о своеобразии кооперационной дихотомии. Не считая их абсолютно чистыми, в каждом типе кооперации он находил «эмбрионы», наследие другого типа. Так, в простой кооперации «эмбрионом» антагонизмов сложной кооперации он считал семью с ее половой и хозяйственной дифференциацией ролей. Именно поэтому касты, сословия и классы, упоминаемые Михайловским, никогда не стояли в центре его социологических работ. В этом центре одна социальная группа – семья. Современную ему мещанскую и дворянскую семью он систематически подвергал резкой критике, полагая, что ее творческая сила как «общественной индивидуальности» выдохлась, она не создает атмосферы необходимой для роста «личностной индивидуальности», так как уже прошла весь круг органического развития. И только в «крестьянской семье» он находил еще кое-какие возможности, считая, что она имеет будущее [17, с. 278]. Здесь следует отметить, что в критике семьи как общественного явления, у Михайловского весьма ощутимо влияние «социал-дарвинизма».

Определение Михайловским места и роли семьи как «общественной индивидуальности» не может быть осмыслено правильно вне его концепции личности и теории прогресса. Как и подавляющее большинство социологов XIX в. он был эволюционистом и пытался определить общее направление прогресса, дать его критерии. Формула прогресса, которой оперировал Михайловский, формулировалась следующим образом: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности, неделимости, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно все, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов» [20, с. 26]. Содержание этой формулы в контексте социологического осмысления места и роли семьи в обществе позволяет утверждать, что она, по мнению Михайловского, только тогда полезна как социальная форма, когда способствует «борьбе за индивидуальность».

Полемизируя с П. Б. Струве и Г. В. Плехановым, Михайловский предложил следующую дефиницию понятия «прогресс». Это «последовательная смена форм кооперации» или смена трех этапов «борьбы за индивидуальность» в человеческой истории: 1) объективно-антропоцентрического (исходная простая кооперация); 2) эксцентрического (сложная кооперация); 3) субъективно-антропоцентрического (вторая разновидность «простой кооперации»)» [2, с. 93]. Следуя этой схеме, можно предполагать, что семья как общественное явление, по Михайловскому, имеет определенную перспективу, но только при возврате к простой кооперации на новом витке исторического развития общества. Итак, если западные социологи, например, Ф. Тённис и Э. Дюркгейм считали семью наиболее совершенной формой человеческой «общины», отмечая, что общество в целом вырастает из семьи, то у Михайловского дана противоположная оценка семье. Только определенный тип семьи, а именно базирующийся на субъективно-антропоцентрическом основании является наиболее совершенным. При определенной степени утопической идеализации таковой является крестьянская семья. В целом же семья как общественная форма исчерпала себя. В этом смысле, можно утверждать, что Н. К. Михайловский одним из первых затронул проблему «кризиса семьи».

Весомый вклад в разработку проблемного поля социологии семьи внес выдающийся русский социолог, историк, экономист, правовед Максим Максимович Ковалевский, возглавивший вместе с другим известным русским социологом Е. В. де Роберти первую в России кафедру социологии. Первостепенный европейский ученый, он был в курсе основных идей социальных наук своего времени, часто оказывался свидетелем их рождения и развития. Ковалевским были сформулированы на «основе сравнительно-исторического метода принципы нового направления в социологической науке – генетической социологии» [3, с. 141], что принесло ему европейскую известность.

Генетическая социология Ковалевского была направлена на изучение генезиса социальных институтов в этническом «облике», в частности в России [9]. «Вопросы генетической социологии, науки о происхождении общественных институтов, – писал он, – имеют особый интерес для русских, ввиду чрезвычайно богатого этнографического материала...» [12, с. 87]. В концепции генетической социологии Ковалевского мы находим соединение в рассмотрении общественного развития земных (объективных) факторов с духовными, символическими (субъективными). Он уверен, что социальная общность, человек существуют одновременно как в определенной природной среде, преобразованной его трудовой деятельностью, так и в мире духовном, символическом. Ковалевский одним из первых ученых-социологов предпринял попытку соединения объективного и субъективного подходов в исследовании общественных явлений и процессов. Проблема их соединения до сих пор остается предметом научной дискуссии.

Конкретизация проблематики семьи разворачивается М. М. Ковалевским в рамках тех теоретико-методологических конструктов, которые определены самим содержательным аспектом его социологической концепции. Остановимся на этом подробнее.

Концептуальную основу его научных изысканий в сфере семейно-брачных отношений составляло сформулированное им учение об исходных моментах в развитии семьи, рода собственности, политической власти и психической деятельности, которое он обозначил понятием «генетическая социология». «Генетической социологией называют ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право» [10, с. 12].

Исходным материалом для социологических исследований служат эмпирические данные этнографии о быте цивилизационно отсталых народов. Оценивая их важность, французский социолог и этнограф Ш. Латурно считал, что без помощи поставляемого этнографией материала немислимо было бы заглянуть в отдалённое прошлое исторических народов, так как всё это прошлое лежит за рубежом человеческой цивилизации, или в дописьменной его истории [16, с. 12].

М. М. Ковалевский был одним из первых ученых, кто настаивал на том, что социологический подход к исследованию социальных явлений носит междисциплинарный характер. Оценивая его вклад в развитие социологической науки, именно на это обращал внимание Н. И. Кареев в своей статье, посвященной научному творчеству ученого. «Всякому, занимающемуся генетической социологией предстоит обращение одновременно к разным научным дисциплинам: и история религий, и древнейшие правовые институты, и народное литературное творчество, и пережитки, держащиеся в форме обычаев и обрядов не в одном современном быту, но и при тех порядках, которые отошли уже в область прошедшего. Необходимо вносить в общую сокровищницу все эти разбросанные следы архаических порядков» [4, с. 171].

В своих социологических изысканиях Ковалевский наибольшее предпочтение отдаёт этнографическому методу и меньше использует статистику, фиксируя ограничения ее применения [13, с. 114]. Он утверждал, что необходимо у всех и у каждого из народов учитывать их архаические черты и из их сравнения строить выводы [Там же, с. 117]. Вкус социолога к этнографии пробудился в период его пребывания в Лондоне, особенно в результате общения с Г. Мэнном. Последующее ознакомление с трудами Дж. Мак-Леннана и Л. Моргана содействовало переоценке им патриархальной концепции Мэна и формированию нового взгляда на экзогамию, тотемизм, патри- и матрилинейность. В немалой степени интерес подогревался и его собственным полевым опытом - совместные экспедиции с лингвистом В. Ф. Миллером на Кавказ [3, с. 118].

Идея эволюции, по мнению М. М. Ковалевского, захватывает всё более обширный круг явлений практической жизни. «Эволюция отвергает возможность переворотов и неподвижность». Задача эволюционной философии, как видит её Ковалевский, - «изучить прошедшее и настоящее» для того, чтобы предвидеть будущее. Для этого исследователь должен использовать историко-сравнительный метод, а именно соединение исторического и этнографического методов. Сторонники этого метода рассматривают человеческое общество как единое целое. Объектом наблюдений являются не отдельные феномены, вызванные действием какого-нибудь закона общественного развития у какого-либо отдельного народа той или другой расы, а эволюция форм общественной жизни всего человечества.

М. М. Ковалевский внес большой вклад в изучение вопроса о происхождении семьи, ее сущности, изменении ее форм и характера связей в семейной организации детерминированных изменениями форм хозяйственной деятельности и социокультурных норм.

Он предложил свою периодизацию исторической эволюции семьи, начав с того, что подверг сомнению утверждения о беспорядочности общения полов (промискуитет и гетеризм), доказывая, что родство по матери и экзогамия предполагают регуляцию и организацию половых отношений, подчинённые на первобытной стадии сохранению и воспроизводству поколений. Он писал: «Явление экзогамии - запрещение половых сношений между лицами одной и той же общественной группы, имеющей одно и то же название, «тотем». Это значит, что в самом начале существования общества половые отношения подчинялись требованиям обычая и религии, известным предписаниям морального порядка» [11, с. 49]. В этом отношении интересно замечание советского этнографа М. О. Косвен, который отмечал, что Ковалевский прав в своих доказательствах о предшествовании матриархата патриархату, но «существование беспорядочных отношений полов предполагается для самой ранней эпохи существования человечества, периода стадного состояния, при котором родство не осознавалось и не имело общественного значения; экзогамия же возникла на более поздней ступени развития, лишь с возникновением рода» [14, с. 22]. Это замечание Косвена прямо указывает на расхождение точек зрения на промискуитет М. М. Ковалевского и Л. Моргана и Ф. Энгельса. Собственная трактовка происхождения семьи Ковалевским предполагала иную периодизацию развития семьи, а именно: «матриархальная семья, патриархальная семья, индивидуальная семья» [15, с. 26], которая исключала стадию промискуитета. Он весьма подробно описал различные исторические формы семьи и проанализировал причины их изменения.

Первой ступенью развития семьи Ковалевский считает матриархальную семью [13, с. 110]. Как известно, в этой форме счёт родства вёлся по матери, но главным добытчиком пищи и защитником считался брат матери, то есть дядя. Поэтому в действительности при матриархате женщина не занимала господствующего положения в обществе и семье. Если муж и отец не мог при существующей организации общества быть главой семьи, то таковым всё же был мужчина - брат матери или материнский дядя. Особое положение материнского дяди получило название авункулата. Современные этнологи считают, что авункулат, появляется лишь при распаде матриархата, в процессе превращения материнской общины в патриархальную, большую семью.

М. М. Ковалевский, анализируя этот процесс, под большой семьей как особой формой семейной организации понимает группу близких родственников по крови и браку, совместно владеющих или пользующихся средствами производства и другим имуществом и совместно участвующих в производстве и потреблении, интегрированных в более крупный социальный и производственный коллектив.

Он указывает, что «для больших семей эпохи первобытного общества характерны такие черты, как: 1) совместное производство и потребление; 2) совместное владение средствами производства и другим имуществом; 3) сохранение внутри семьи начал первобытного коллективизма; 4) включение в состав семейного производственного коллектива неполноправных членов (рабов)» [Там же, с. 118].

Большая семья являлась ячейкой разлагающегося первобытного общества, однако она никогда не была и не могла быть его единственной ячейкой, а всегда входила как составная часть в более крупные коллективы, в первую очередь в первобытную соседскую общину. Следовательно, большая семья не была универсальной формой организации социальных связей и взаимоотношений в разлагающихся первобытных обществах, хотя, по-видимому, была преобладающей. По мнению другого советского этнографа Ю. И. Семенова, большие семьи синтезировались из парных семей эпохи расцвета родового строя [21, с. 70].

Большие семьи эпохи разложения первобытного общества, стремившиеся обособиться от первобытной общины и противопоставлявшие себя ей, довольно долго сохраняли принципы первобытного коллективизма: совместный труд, потребление и совместное владение имуществом. В основе этого лежали чисто экономические причины - ограниченные возможности парцеллизации труда. По мере дальнейшего развития частнособственных отношений внутри большесемейных коллективов назревают противоречия. С одной стороны, наблюдается стремление глав семей усилить свою власть, стать единоличными распорядителями семейного имущества, с другой - стремление малых семей выделиться из большой. В зависимости от конкретных условий могла возобладать та или иная тенденция, что определяло местные особенности больших семей на рубеже перехода к государству и в раннеклассовом обществе. Следует подчеркнуть, что вопреки распространенному мнению большие семьи сохраняются не только на протяжении всей эпохи разложения первобытного общества, но имеют место и в раннеклассовых обществах. В классовом обществе они становятся уже не столь устойчивыми и уменьшаются в размерах. Частная собственность разъедает их основы и, в конечном счете, приводит к неизбежной гибели. Возможно, существует определенная зависимость между пережиточным сохранением большой семьи и соседской общины. Те же причины, которые способствовали сохранению общины, то есть недостаточное развитие частной собственности, натуральное хозяйство, потребности кооперации, политика господствующего класса, могли способствовать также и сохранению большой семьи.

Особый интерес вызывает вопрос о том, как М. М. Ковалевский понимает эволюционное движение от матриархата к патриархату. Это движение представляло собой трехсторонний самопроизвольный процесс, который включал: установление всё более прочной связи между супругами. Затем возникла определённая власть, присвоенная мужу и, наконец, вновь возникшая власть главы семьи (отца) увенчивает новое здание патриархальной семьи.

Процесс укрепления связи между супругами, по Ковалевскому, претерпевает определенную эволюцию: кража невесты с течением времени трансформируется в её похищение. А освящение брака религиозными обрядами, придавало супружеским отношениям характер нерушимого союза на всю жизнь. С этого момента отношения между супругами стали иными: власть мужа и отца, заменила прежнюю власть матери.

Ковалевский пытается объяснить, как произошли все эти перемены. Для этого он обращается к вопросу о влиянии на семейную организацию естественного прироста населения в пределах одного какого-нибудь матриархального общества. Прирост населения, по мнению исследователя, вызывает распад группы, её дифференциацию на более малые группы [13, с. 116]. Конечно, все эти изменения происходят крайне медленно. Затем М. М. Ковалевский исследует вопрос о поступательном развитии права собственности в течение того периода, в течение которого устанавливалась власть «патриарха» (отца и мужа). По его мнению, частная собственность «могла установиться лишь по отношению к тем предметам, производство которых составляет результат личных усилий отдельного человека. Частная собственность вовсе не исключает при самом своём появлении первобытный коммунизм. Она развивается очень медленно по мере исчезновения коммунизма. Когда переход от охотничьего быта к пастушескому и земледельческому уже вполне закончился, движимое имущество начинает делаться объектом если не личной, то семейной собственности. Этот факт совпадает с появлением патриархальной семьи. Развитие патриархальной семьи начинается в такое время, когда из всех предметов природы одна земля остаётся нераздельной» [8, с. 67].

Продолжая свой анализ, ученый переходит к рассмотрению второго периода в развитии исторических форм семьи - он изучает расширенную, многопоколенную семью эпохи патриархата («семейную общину» - по терминологии М. М. Ковалевского). Эта семья представляет собой социальную организацию, состоящую из людей, которые находятся в родстве друг с другом, так как являются потомками одного отца; живут под одной кровлей и владеют своим имуществом сообща. Ковалевский изучает данную организацию в двух её видах: как религиозную ассоциацию, состоящую из нескольких лиц, имеющих общий культ предков, и как ассоциацию кооперативную, сообща распоряжающуюся своим имуществом. По его мнению, культ предков неразрывно связан с самим существованием патриархальной семьи. Он появляется вместе с ней и в свою очередь становится одной из причин её устойчивости на протяжении ряда веков. Семейная община является в то же время и общиной религиозной. Ковалевский указывает, что существует тесная связь между этой древней фазой общественного развития и не менее древней верой в духов. Корень в понятии о будущей жизни, по существу своему однородной с жизнью земной, культ мёртвых неизбежно проявляется лишь с установлением патриархальной семьи, так как это культ, переходящий от мужчины к женщине и дающий мужу преимущество перед женой.

В обоих своих видах - в виде социальной организации и в виде самостоятельной религиозной группы - семейная община, родоначальником которой является отец, порождает все учреждения, характеризующие ту эпоху человеческого развития, которая получила название патриархальной [3, с. 423].

Изучение М. М. Ковалевским патриархальной, семейной общины - это уже не привычное этнографическое описание, а именно социологическое. Он исследует социальные отношения внутри семейной общины, описывает структуру общины с точки зрения ее статусно-ролевых компонентов, то есть, говоря языком современной социологии, он анализирует семью на микроуровне социологического исследования. Анализ Ковалевским семейной общины южных славян - «задружи» - показал, что функция лидерства распределялась в общине по полу и укрепляла семейную организацию. Он писал: «Ходячее мнение о полном порабощении жены в патриархальную эпоху совершенно не согласуется с фактами, которые можно установить на основании изучения древних законодательств, в особенности римского, германского, славянского. Жена была не рабой своего мужа, а его подругой. И это явствует самым несомненным образом из той роли, которая ей принадлежала в семейном культе» [8, с. 110].

Этот анализ семейной общины (патриархальной семьи) вполне укладывается в рамки концептуального видения М. М. Ковалевским исторической эволюции форм брака и семьи. Но тезис о положении женщин в рассматриваемый период расходится с концепцией происхождения семьи Ф. Энгельса. Впоследствии, это вызвало критику научных взглядов М. М. Ковалевского у советских ученых-обществоведов.

Продолжая свое исследование семьи, М. М. Ковалевский акцентирует внимание на вопросе о влиянии патриархальной семьи на развитие моногамии. Он считает, что патриархат восходит от полигамии к моногамии, поэтому патриархальная семья - это та форма, когда изменяется способ заключения брака. Если раньше полигамия господствовала, считалась обычной, то теперь моногамия занимает её место. К экономическим мотивам присоединяются и социальные. Многоженство уничтожалось, по мнению ученого, тем, что среди большого количества жён выделялась одна, которая впоследствии и становилась единственной. Л. Морган и Ф. Энгельс смотрели на многоженство как на исключение, как роскошь, доступную только богатым. Кроме того, Ковалевский представляет процесс перехода от полигамии к моногамии плавным, на протяжении всего существования патриархальной семьи, в отличие от Моргана и Энгельса, которые выделяли отдельные этапы, на протяжении которых происходили значительные изменения, например, обычай «пуналуа».

Обратимся к тому, в чём видел М. М. Ковалевский причины и следствия распада патриархальной семьи. Зародыш распада патриархальной семьи, по его мнению, заключался в полном подчинении отдельной личности авторитарной власти ее главы. Следствием этого, по мнению Ковалевского, было полное уничтожение индивидуальной свободы. Это положение М. М. Ковалевского совпадает с мнением выдающегося французского социолога Ф. Ле Пле. Патриархальную семью как форму социальной организации человека подтачивает и разлагает инстинкт индивидуализма; это он побуждает взрослых членов семьи требовать свободного распоряжения тем, что они сами приобрели, и делаться зачинщиками насильственного раздела при жизни отца. Древние и средневековые законодательства, исследованные Ковалевским, подтверждают, что упадок патриархальной семьи происходил именно по этой причине. Законом установленное совершеннолетие было совершенно неизвестно при режиме нераздельности, характерном для патриархальной семьи. Оно появляется лишь в результате разложения общины. Когда дети получали по достижении известного возраста право принудить своего отца к разделу, только тогда были признаны права, связанные с совершеннолетием. Так как обязательный имущественный раздел, считает Ковалевский, тесно связан с правом наследования, то возникновение этого права приходится отнести по времени, когда начинается разложение патриархальной семьи.

Итак, для Ковалевского важным фактором для возникновения новой формы семьи явилось появление права на наследование, а значит, непосредственно частной собственности. Раньше после смерти главы семейства не следовало никаких разделов, утверждал Ковалевский, выбирали только нового главу. С появлением права на наследование возник вопрос о том, каков будет порядок. В феодальных странах, с ярко выраженным военным характером, привилегия старшего сына (майорат) устраняла права младших. С другой стороны, Ковалевский указывает на то, что младший сын также имел преимущественное положение, так как он дольше всех остаётся в родительском доме, в отличие от старших, которые к тому времени создают собственные хозяйства. Это право - минорат, получил распространение главным образом среди крестьян, то есть людей, занимающихся преимущественно ручным трудом, а не военным делом. Ковалевский сам указывает на то, что ему не удалось полно раскрыть тему о наследовании, и объясняет он это тем, что для лучшего результата необходимо более тщательное исследование.

Третий этап исторической эволюции семьи, по классификации М. М. Ковалевского, - это «индивидуальная» семья. Эту форму семьи он называет основой русского общественного строя. Характеристика, данная Ковалевским этой форме семьи, резко отличается от характеристики патриархальной моногамной семьи Моргана - Энгельса. «Характерным для индивидуальной семьи является то, что она представляет собой союз, заключённый по добровольному соглашению, что члены её тесно связаны между собой, что в ней соблюдаются взаимные права и обязанности, что отношения между мужем и женой стремятся к известной степени равенства, что вся семейная группа подчинена контролю государства и его судебной власти» [Там же, с. 114].

С конца средних веков и даже на несколько столетий раньше законодательные постановления, которые исследовал Ковалевский, уже перестают упоминать о том, что муж может дурно обращаться со своей женой, запирает её и уступать другому. Он отмечает, что в России женщина, вопреки тому, что об этом думают за границей, не более порабощена своим мужем, чем на Западе. Для подтверждения этого положения он указывает на то, что изменилось право на наследование: жена в случае смерти мужа получала половину имущества. Кроме права на наследование жена могла жаловаться на своего мужа и привлечь его к суду. Но у супругов были и обязанности, главная из которых, по мнению Ковалевского, - любить друг друга. Муж обязан содержать жену, а жена в свою очередь жить в доме мужа. Эта взаимность прав и обязанностей супругов придаёт индивидуальной семье совершенно новый характер союза на равных правах.

Одна из самых характерных особенностей русской индивидуальной семьи состоит в том, что с её установлением властью над детьми пользуется уже не один только отец. Рядом с ним появляется мать, так что семейная власть с этих пор становится уделом обоих супругов. Кроме этого Ковалевский отмечает значительную перемену во взаимоотношениях обоих поколений, совокупность которых и составляет семью. Впервые на страже интересов детей становится государство, наблюдающее за тем, как родители пользуются своей властью.

Далее Ковалевский исследует вопрос, каким образом совершилась замена отцовской власти властью обоих родителей? Возникновение её тесно связано, по его мнению, с эмансипацией жены и приобретением ею всё более и более заметного значения в индивидуальной семье. «С того времени, как муж, перестав быть господином жены, сделается ей равным, должна была произойти глубокая перемена во взаимных правах родителей по отношению к детям. Мать была призвана играть при них ту роль, которая предоставлена ей самой природой. С другой стороны, семейная власть свелась к праву воспитывать детей. Естественно, что с самого рождения ребенка забота об этом ложилась, главным образом, на мать. Роль матери стала дополнять роль отца, так как оба супруга были одинаково заинтересованы в воспитании детей. Одной из действительно характерных особенностей славянского права было равенство прав отца и матери. Мать в такой же мере, как и отец, может требовать от детей подчинения и повиновения с самого раннего их возраста, а затем поддержки и содержания её на старости лет» [Там же, с. 115]. Взамен всех прав у родителей была главная обязанность - кормить своих детей до совершеннолетия. В свою очередь дети должны помогать своим родителям в случае надобности поддерживать существование. «Общий результат прогрессивного движения семьи на протяжении ряда веков выразился в замене понятия неограниченной власти и абсолютного права понятием договора и взаимных обстоятельств. Ограничение произвольной власти отца и мужа, расширение прав жены и обеспечение интересов детей, отнюдь не приводят к разрушению брачно-семейных отношений. Превращаясь во все более свободный и равноправный союз, «индивидуальная» семья, по мнению Ковалевского, придает новый стимул к развитию супружеских отношений в виде чистой привязанности, основанной на взаимном уважении, ежедневном обмене услуг и моральной поддержке. Перестав быть угнетающей и жестокой, какой она была в прежние времена, семья является теперь лучшей школой для детей, так как обладает великим даром учить примером и этим развивать как душевные качества, так и умственные способности. Этим обусловлена оценка этого процесса как свидетельства нравственного прогресса человечества и, соответственно, достижения современными брачно-семейными отношениями более высокого и более совершенного уровня по сравнению с ранними формами семьи. Семья становится великой школой альтруизма, того альтруизма, который произведёт революцию в мире» [Там же, с. 118]. Таков общий вывод, который сделал М. М. Ковалевский, заканчивая анализировать последний, в его концепции, этап эволюции семьи.

В целом концепция происхождения и развития семьи, предложенная М. М. Ковалевским в отношении ее характеристики на стадии возникновения и современной стадии развития, не совпадает с концепцией Ф. Энгельса, которая станет единственно верной для советского обществознания с 30-х гг. XX века. Главное отличие состоит в том, что М. М. Ковалевский придерживается позиции, согласно которой, положение женщины на всем протяжении исторического развития общества улучшалось и наиболее высокого уровня достигает в классовом обществе, при господстве моногамии. У Энгельса противоположная точка зрения. Власть женщины своего пикового состояния достигла при матриархате, на первых ступенях развития семьи и далее шла по нисходящей. В патриархальной моногамной семье женщина была окончательно «закрепощена», стала «собственностью» мужа. Свободу женщине может принести только социалистическая революция, которая уничтожит частную собственность и патриархальную семью.

Подводя итог нашему анализу концепции М. М. Ковалевского о происхождении и развитии форм семьи, следует отметить, что она не выходит за рамки концептуальной системы позитивизма, в основе которого лежит идея поступательного развития социальных явлений и процессов. Идея О. Конта о социальном прогрессе, сопряженная с концепцией эволюционизма, продуцировала общий дискурс линейной динамики, который характерен, по словам П. А. Сорокина, общественно-научной мысли XIX века. Она была занята большей частью изучением разнообразия линейных тенденций развития, разворачивающихся в историческом пространственно-временном континууме. Она оперировала главным образом понятием человечества вообще и стремилась отыскать «динамические законы эволюции и прогресса», определяющие магистральное направление человеческой истории [26, с. 381]. Эволюционный подход к изучению семьи, изменяющий свои формы в ходе истории, но сохраняющей свою специфическую суть, был более плодотворен, нежели подход, утверждающий извечность и «естественность» моногамной патриархальной семьи.

Тем не менее, он не преодолевает принципа инвариантности семьи, сохраняет линейную модель социокультурной динамики и фиксирует внимание только на универсальном характере развития социальных феноменов, оставляя в стороне частные аспекты их изменений. Вместе с тем, высокий уровень научного анализа исторической изменчивости форм семьи как первичной социальной организации людей, проведенный М. М. Ковалевским в рамках эволюционной парадигмы в социологии, заложил серьезные теоретические и методологические основания дальнейших социологических исследований семьи как одного из самых сложных объектов социального познания.

Выдающееся значение для развития социологии семьи в России имело научное творчество одного из крупнейших социологов XX века Питирима Александровича Сорокина. Его формирование проходило под влиянием выдающихся представителей русской науки - М. М. Ковалевского, Е. В. де Роберти и Л. И. Петражицкого.

Работая над проблемами семейно-брачных отношений, Сорокин опирался на теоретико-методологические принципы «генетической социологии» своего учителя М. М. Ковалевского, вытекающие из эволюционной идеи движения семьи от групповых форм брака к индивидуальному, моногамическому. По мнению ученого, эволюция семьи и брака состояла не в чем ином, как в постепенном накоплении нормативных ограничений половой свободы человека. Окончательный пункт эволюции семьи и брака - это современная «индивидуально-моногамическая семья» с мужем-отцом, в качестве ее главы.

Эти взгляды на семейно-брачные отношения нашли отражение в его ранней работе «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян» (1911). В ней он ставил перед собой двоякую исследовательскую задачу: 1) дать краткий очерк форм групповой семьи и брака, найти их следы в современной моногамной семье; 2) выяснить корреляцию этой эволюции с другими общественными явлениями. Используя сравнительно-исторический метод исследования и этнографический подход, Сорокин прослеживает развитие брака и семьи от групповых форм к моногамной форме. Главная проблема, которая его тогда интересовала, - это направленность изменения семейно-брачных отношений на протяжении длительного исторического времени. Подводя итог своим размышлениям, Сорокин делает следующий вывод: «...формы семьи и брака не избежали общей участи всего, т.е. они непрерывно изменялись, как не перестают изменяться и теперь» [23, с. 34]. Особенностью этой ранней работы Сорокина является то, что рассмотрение эволюции форм семьи и брака идет в общей связи с выявлением социокультурных факторов, влияющих на ход эволюции. Причем сам этот процесс характеризуется не только как постепенный, но и как неравномерный (нелинейный), с длительным сохранением следов прошлого. Хотя сам П. А. Сорокин и относит отказ от линейного дискурса ко второй половине XX века, эта работа является свидетельством того, что в ней просматриваются первые его шаги к постепенному переходу к принципам нелинейной социокультурной динамики. Более характерным, в этом плане, можно считать его обращение к проблеме кризиса отдельных социокультурных феноменов, в том числе и семьи, как «основной ячейки и основного индикатора общества». В 1916 году П. А. Сорокин публикует в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» статью с весьма характерным названием «Кризис современной семьи», которая приобрела особую актуальность в России 90-х гг. XX века. В ней был дан глубокий содержательный анализ кризисных явлений семьи, причины ослабления супружества, союза родителей и детей, а также союза родственников и свойственников, то есть семьи, взятой в качестве хозяйственного целого, автономного от общества и государства. Сорокин приходит к мысли о том, что система семейно-брачных отношений в ее нынешнем виде свидетельствует о развивающемся вглубь и вширь кризисе семьи как социального института и малой группы. Анализируя этот процесс, он на теоретическом уровне увязывал его с экономической, религиозной и демографической ситуацией в обществе. В доказательство факта ослабления и распада семейно-брачных отношений Сорокин приводит ряд эмпирических свидетельств, основанных на материалах социальной статистики.

Во-первых, это факт быстрого роста количества разводов. Обычно число разводов тем больше, чем выше плотность населения и чем больше развита в экономическом отношении территория его проживания. Индустриализация и неразрывно связанная с ней урбанизация приводит к увеличению плотности населения. Городской образ жизни определяет удовлетворение все большего числа потребностей и интересов индивидов вне семьи, провоцируя тем самым, рост числа разводов.

Во-вторых, брак как социокультурная норма теряет свой сакральный смысл, уменьшается частота заключаемых легальных брачных союзов. Возможность удовлетворения сексуальных потребностей вне брака меняет характер брачного поведения и приводит к росту внебрачных рождений.

В-третьих, символом распада семьи служит уменьшение числа детей в браке. Исторический переход от аграрного общества к индустриальному связан с утратой экономической заинтересованности в детях. В общественном (индивидуальном и массовом) сознании норма «многодетности» постепенно уступает место норме «малодетности», что ведет к ослаблению репродуктивной функции семьи.

В-четвертых, эмансипация женщин (их борьба за равенство в юридических и политических правах с мужчинами в сфере социально-экономических отношений) вывела женщин из семейной сферы в общественную, став катализатором изменения социокультурных ролей мужа и жены в семье.

В-пятых, переход к индустриальному обществу привел к элиминации хозяйственно-производственной функции семьи, что чрезвычайно ослабило экономическую автономию семьи от государства [24, с. 173-189].

Кризис семьи как социального института и малой группы свидетельствует о том, что семья утрачивает свою абсолютную социокультурную ценность для личности, становясь ценностью относительной, рядоположенной с другими индивидуальными ценностями. В общественное сознание проникают идеи, отрицающие саму форму семейного образа жизни, саму его суть. Такая оценка кризисных явлений в функционировании семьи, детерминирована, прежде всего, духовной составляющей человеческой цивилизации. Утверждая, что современная культура переживает общий кризис, Сорокин связывал его с развитием материального производства и науки. Обращаясь к коллегам, он определяет глубину кризиса семьи в весьма жестких понятиях «разложения», «развала», фиксирует факторы и последствия, но одновременно он определяет механизм выхода из кризиса и видит его в том, чтобы семья, оздоравливаясь и организовываясь, «создавала индивидуальность, чуждую и эгоистического шакализма, и невежества слепой стадности» [22, с. 248].

Отмечая нарастание кризисных тенденций в развитии семьи, П. А. Сорокин, однако, не считал, что кризис семьи означает ее полный крах как социального явления *generis sui*, объективно вызванного к жизни общественными и индивидуальными потребностями. Он видит в этом часть более сложного процесса, который должен привести к образованию новых форм семьи: «Разложение идет быстрее и, по-видимому, в таком же направлении пойдет и в будущем. Конечно, оно не ведет к гибели семьи вообще. Семья как союз супругов и как союз родителей и детей, вероятно, останется, но формы их будут иными» [24, с. 179].

По мнению П. А. Сорокина, эта новая форма семьи будет конституироваться на иных ценностных основаниях. Представляя эту будущую семью, он формулирует ценностные принципы построения новых семейных отношений в качестве альтернативы прежним. Во-первых, это свободный союз равноправных личностей, «свободное соглашение», в отличие от «принуждения» и «расчета». Во-вторых, это ограничение социализирующего влияния семьи путем изменения характера воспитания и обучения. Сорокин определяет это следующей метафорой: «освобождение личности из пеленок семейного крова и переход ее в широкое море общечеловечности» [Там же, с. 184]. Завершает он свою статью оптимистическим утверждением: переход от семейной опеки и воспитания к государственному профессиональному образованию является «первым шагом на пути дальнейшего обобществления человека, подготовки его для будущего, более совершенного общества» [Там же, с. 186]. В этих мажорных пассажах Сорокина слышны не только отзвуки идей Н. К. Михайловского и М. М. Ковалевского, но весьма ощутимо влияние марксизма.

Темы кризиса семьи в разных его проявлениях П. А. Сорокин касается в главном теоретическом труде своего российского периода жизни «Система социологии» (1920). Эта работа ознаменовала его переход от генетической социологии к бихевиоризму и функционализму. В связи с этим, полученный ранее эмпирический материал о семье и браке, получает иное концептуальное освещение. В этой работе центре уже не эволюция семьи, а её статика, то есть место семьи в общей структуре современного общества, характер ее взаимодействия с другими социальными институтами. Наибольшее внимание он уделяет функциям, типологии, внешним и внутренним связям семьи, рисует современное и будущее ее состояние, то есть делает то, что «образует стратегическую цель социологического изучения семьи» [1, с. 31]. Вместо историко-сравнительного метода им широко используются данные статистики, наблюдений над поведением людей в семейной среде, то есть функциональный анализ.

С позиции функционализма Сорокин остро критикует знаменитые формулы и законы «прогресса», объявляет их фикцией и противопоставляет им законы функционирования, но социальные изменения как социологическую проблему не отрицает, хотя сводит ее к частностям - мобильным процессам, диффузиям, циклам. Социальные группировки населения в рамках социального целого представляют собой «подвижное равновесие» и постоянно меняются, как в обычное мирное время, так и в случаях войн, революций и кризисов [25, с. 115].

В силу исключительного положения семейной группировки в общей структуре общественного устройства она оказывает мощное давление на прочие группировки, общественная жизнь людей является функцией организации семейного института. Характер семейной организации, по мнению Сорокина, во многом зависит от этнических свойств людей, но сформировавшись, она определяет характер других социальных образований. «От характера семейной организации зависят исторические судьбы населения, общественная жизнь людей, организация сложного социального агрегата и течение общественных процессов [Там же, с. 117].

Семья составляет единое целое с социумом, поэтому как «организованная и устойчивая «группировкой», она способна через семейную и демографическую структуры самостоятельно воздействовать на ход социально-исторических изменений. В то же время семья фокусирует все позитивные и негативные трансформационные процессы, происходящие в обществе, поэтому прямо и косвенно зависит от его подъемов и кризисов. П. А. Сорокин трактует кризис семьи как проявление общего социокультурного кризиса современного ему общества, он использует собственное видение флуктуации этой формы, в основу которого положен принцип цикличности изменений в ее функционировании столь важный для осмысления эволюции семьи в контексте единства интеграционных и дезинтеграционных процессов. Сочетание эволюционного подхода с функционалистским объяснением позволило П. А. Сорокину в начале XX века исследовать положение современной семьи как кризисного этапа в общей ее эволюции. Проанализировав все функции семьи и их изменение во взаимосвязи с другими явлениями общественной жизни, он смог обнаружить основные тенденции, которые в полной мере раскрылись во второй половине XX века. Его взгляды оказали огромное влияние на развитие мировой теоретической социологии в целом и социологии семьи, в частности.

Подводя итог рассмотрения заявленной нами темы, остановимся на нескольких важных, с нашей точки зрения, положениях.

Русская социологическая рефлексия, базируясь на идейных основаниях европейской науки, никогда не была простым слепком последней. Во второй половине XIX - начале XX вв. отечественная социология проходила аналогичный этап естественного развития и становления. Основная масса русских исследователей в этот период была озабочена утверждением социологии как самостоятельной науки, обсуждала сферу ее компетенции, теоретико-методологические принципы и понятия. В центре внимания российских социологов были проблемы социальной динамики, фаз эволюции общества и общественных форм, «законов и формул» прогресса. В изучении социальной структуры общества и социального поведения поиск в то время концентрировался вокруг определения общих понятий - инструментов теоретического познания («социальное взаимодействие», «общественные отношения», «социальные связи» и т.п.) [11, с. 4]. Вне зависимости от декларируемой ориентации того или иного социолога разработке подлежали преимущественно общие вопросы социологического знания.

Тем не менее, предпосылки формирования социологии семьи в рамках построения многообразных вариантов отечественной «общей» социологии складывались именно в это время. Процесс концептуализации проблемного поля семьи в отечественной социологии имел своеобразную динамику: от утопически-идеализированной конструкции семьи Н. К. Михайловского через эволюционную линейность многофакторной динамики генетической социологии М. М. Ковалевского, к нелинейной динамике бихевиористско-неопозитивной концепции П. А. Сорокина. Поэтому, не будет преувеличением утверждение, что в это время российская социологическая мысль заложила основы для развития различных подходов к исследованию семьи в рамках основных социально-философских направлений, в которых сложились и устойчиво сохраняются две ведущие парадигмы, которые явно или латентно реализуются учеными в их исследованиях - объективистская и субъективистская, - аналогично тому, как это случилось на Западе. В дальнейшем это могло бы обеспечить становление социологии семьи в нашей стране в качестве частной социологической дисциплины.

Однако история рассудила иначе. После прихода к власти большевиков развитие социологии в стране шло под знаменем борьбы за утверждение марксизма в качестве единственно верного научного учения. Сторонники марксизма, бывшего до Октября 1917 г. одним из направлений социальной мысли, разрабатываемых российской наукой, стали последовательно реализовывать один из тезисов Маркса о Фейербахе, согласно которому активного преобразования требует не только жизнь общества, но и все пространство общественных наук. Если в первое время после революции экспансия марксизма в социологию носила организационно-дисциплинарный характер, то уже в 1918 г. задача организационной перестройки отступила перед более неотложной задачей. Необходимо было осуществить коренную идейную перестройку общественно-научного знания. Ее характер хорошо известен: социология как наука была разгромлена, а ее место занял исторический материализм. Отмеченные ранее достижения русской дореволюционной социологии не получили в советское время сколько-нибудь заметного развития, а проблемы семьи и брака вообще не входили в круг основных интересов как классиков марксизма, так и их продолжателей в России.

Список литературы

1. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М., 1996.
2. Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX-XX вв. М., 1995.
3. История теоретической социологии / отв. ред. Ю. Н. Давыдов. М.: Наука, 1994. Т. 1.
4. Кареев Н. И. М. М. Ковалевский как историк и социолог // Ковалевский М. М.: ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: памятный сборник. Пг., 1917.
5. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб., 1996.
6. Кареев Н. И. Памяти И. К. Михайловского как социолога // Русское богатство. СПб., 1904. № 3.
7. Ковалевский М. М. Н. Михайловский как социолог // Вести Европы. 1913. № 4.
8. Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895.
9. Ковалевский М. М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом: опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб., 1911. 312 с.
10. Ковалевский М. М. Социология. СПб., 1997. Т. 2.
11. Ковалевский М. М. Социология // Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. СПб., 1910. Т. 2.
12. Ковалевский М. М. Социология и конкретные науки об обществе. СПб., 1910.
13. Ковалевский М. М. Этнография и социология // Антология русской классической социологии. М., 1995.
14. Косвен М. О. Авункулат // Советская этнография. 1948. № 1.
15. Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М.-Л., 1948.
16. Летурно Ш. Социология по данным этнографии. СПб., 1896.
17. Менский М. Н. Михайловский о половом и семейном вопросах. М., 1909.
18. Михайловский Н. К. Борьба за индивидуальность // Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 1.
19. Михайловский Н. К. Орган, неделимое, общество // Там же.
20. Михайловский Н. К. Что такое прогресс? // Отечественные записки. 1869. № 9.
21. Семенов Ю. И. О периодизации первобытной истории // Советская этнография. 1965. № 5.
22. Сорокин П. А. Из речи на собрании в Петербургском университете 22 февраля 1922 года // Дальняя дорога. М., 1992.

23. Сорокин П. А. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Известия Архангельского общества «Изучение Русского Севера». 1911. № 1.
24. Сорокин П. А. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 2.
25. Сорокин П. А. Система социологии: в 2-х т. Пг.: Колос, 1920. Т. 1.
26. Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1996.
27. Южаков С. Н. Субъективный метод в социологии // Антология русской классической социологии. М., 1995.
28. Vucinich A. Social thought in tsarist Russia // The quest for a general science of society. 1861-1917. Chicago and London, 1976.

УДК 378.147.88

Юлия Валерьевна Рындина

Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова

ЭТАПЫ, СРЕДСТВА И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ©

Глобальные изменения, произошедшие за последние годы во всех сферах жизни, затронули и систему образования. «Главным и решающим преимуществом» [3, с. 28-30] выпускника высшей школы становится исследовательская компетентность, под которой мы понимаем целостную, интегральную характеристику личности будущего учителя, проявляющуюся в его готовности занять активную исследовательскую позицию по отношению к своей деятельности и себе как её субъекту с целью переноса смыслового контекста деятельности от функционального к преобразующему.

Формирование исследовательской компетентности будущего учителя довольно длительный процесс, требующий достаточного осмысления и подготовки. Говоря о процессе формирования исследовательской компетентности будущего учителя, необходимо уточнить, что мы вкладываем в понятие «формирование». Данное понятие включает в себя несколько подходов:

- 1) формирование - придание определённой формы, законченности чему-либо;
- 2) формирование - процесс развития личности под влиянием внешних и внутренних факторов (воспитания, обучения, социальной и природной среды, собственной активности);
- 3) формирование - становление личности под воздействием различных факторов; результат на данный момент (какой-то уровень стабилизации, приобретения формы - комплекса свойств, качеств личности).

Вслед за Л. В. Ведерниковой, мы рассматриваем «формирование» как процесс «наполнения формы определённым содержанием» [2]. Таким образом, в нашем понимании, речь идёт не о прямом воздействии «формовки», а о предоставлении студенту определённых форм и условий деятельности для формирования его исследовательской компетентности.

При построении этапов формирования исследовательской компетентности будущего учителя мы руководствовались следующим положением: формирование исследовательской компетентности начинается с процесса осмысления будущим учителем себя как субъекта исследовательской деятельности, её целей и ценностей, нахождения им в ней лично-значимых смыслов и постепенно переходит на следующие этапы-стадии: осознание, проектирование.

Соглашаясь с мнением А. Г. Маслоу [4, с. 181-182], согласно которому «нет более ценного, чем научение опытом», мы считаем, что на первом этапе формирования исследовательской компетентности необходимо помочь будущему педагогу стать экспертом собственного опыта: находить в нем опору и определять перспективы самосовершенствования и саморазвития. Поэтому целью рефлексивного этапа (осмысления) является подготовка студентов к аналитической деятельности и рефлексии имеющегося опыта, его осмыслению.

Задачами этого этапа мы считаем:

- формирование потребности в профессиональном самосовершенствовании посредством приобретения необходимых профессионально-исследовательских и методологических знаний;
- включение студента в разнообразные формы рефлексии педагогической, исследовательской деятельности;
- стимулирование интереса к приобретению необходимого минимума теоретического материала;
- овладение аналитическими умениями;
- акцентирование внимания студента на выявлении особенностей педагогического исследования и прогностическом аспекте в исследовательской деятельности.

Главное на рефлексивном этапе - чтобы студент ощутил себя не инструментом воплощения чьей-то начальственной воли, инструкций, предписаний или концепций, а творцом собственной исследовательской деятельности, построенной на объективных закономерностях.